

Вечером передо мной возникла необходимость разъяснить «шефу» свои действия. Пришлось дальше проигрывать шахматные партии, под их аккомпанемент я ему сказал, что мне удалось купить немного книг. Он удивился: «Что в Москве меньше книг, чем в Горьком?!» День нашего отъезда был назначен на воскресенье. «Шеф» книг ещё не видел. Поэтому сказал: «Я обещал жене купить цветы в горшке или бочонке, заедем на рынок для этой цели». Вот тут, увидев книги, их количество, его удивление возросло многократно: «Зачем столько книг, да и большинство какие-то трёпаные?» Разъяснить мне ничего не удалось; если бы не книги Гоголя и Шекспира, я, наверное, в его глазах выглядел бы достаточно плохо. На рынке, как это ни странно, удалось купить большой фикус, из-за транспортировки которого часть книг пришлось перегрузить в багажник без соответствующей упаковки. Но всё равно, книг в кузове было очень много, и я ехал на заднем сиденье, одной рукой поддерживая пачки книг, а другой — фикус в керамическом горшке. В таком виде мы возвращались из правительственной командировки. Кроме того, с нами была бумага, где было сказано, что горьковские обком КПСС и Облисполком поддерживают все начинания Правительства.

Из книг, купленных тогда в Горьком, у меня сейчас остался только Н. В. Гоголь, 8 томов в полукожаных переплётах, издания «Печатник». Держу на память о той далёкой поездке. От брокгаузского Шекспира я давно отказался, так как собрать знаменитую двадцатку Брокгауза и Ефрона в те годы было мне не

по силам, а отдельное собрание Шекспира вызывало много вопросов.

Луи Жаколио и Лев Толстой

В начале пятидесятых годов мне у прилавка букинистического магазина встретился пожилой человек. Он услышал мой разговор с продавцом и после его окончания сказал мне: «Вы спрашивали томик О. Генри в издании «Мысль», так как он у меня есть в очень хорошем состоянии, сколько вы мне за него заплатите?» Я уже не был студентом и, не подозревая, какое меня ждёт книгособирательское приключение, назвал высокую цену. Он согласился и так мы познакомились.

В течение трёх-четырёх лет он мне продавал книги, которые я у него просил, а они, как правило, у него были, и только после этого в 1957 году он решился пригласить меня к себе. То, что я увидел, повергло меня в изумление. Он жил в двух комнатках, площадью примерно в 8 и 15 кв. метров. В восьмиметровой комнате стояла кровать, стол и два-три стула. Было в ней и несколько висевших книжных полок, в которых стояли издания XVIII века, а 15-метровая комната была буквально набита от пола до потолка книгами, причём каждая книга была завёрнута в газету.

Иван Петрович Шайкин, так звали моего коллегу, которому в тот момент было между 70ю и 80ю годами, рассказал мне вкратце историю своей жизни. Он был учителем ещё в дореволюционные годы и был

неплохо материально обеспечен. Учительствовал он и в советские годы до пенсии с, естественно, меньшими материальными достижениями. Книги он любил с детства и покупал, как только представлялась возможность.

Почти всю жизнь он считал себя бедным человеком, был холост, не тратил денег ни на что, кроме скромной еды, оплаты небольшой квартиры в довольно ветхом деревянном доме (в районе Савёловского вокзала) и книг. Конечно, к этому времени он уже был их знаток, что позволяло делать ему удачные покупки. Когда же я спросил его, знает ли он какие книги у него есть и где они находятся, мой вопрос был вполне закономерен, так как книги, завёрнутые в газету, своего лица не имели; чтобы добраться до книг, находящихся на полу, нужно было проделать немалую работу. Иван Петрович ответил мне положительно. Я спросил его, когда он начал заворачивать книги в газеты. Он мне ответил, что всегда, даже тогда, когда он получал по подписке книги в дореволюционные годы, он каждый полученный выпуск заворачивал в газету и складывал. Только тут я понял, что я вижу живого человека, который не подбирал по томикам сойкинские издания, а просто выписывал их в те далёкие 1908-1916 годы. Первым делом я поинтересовался, есть ли у него А. Дюма? — «Как же, все 84 книжечки, как они выходили в 1912-13 гг.», но он тут же заметил, что они у него далеко лежат и продавать их он не будет; потом я спросил про Л. Жаколио, он мне ответил, что знает, где лежат эти книги и может их продать.

Почему после А. Дюма я спросил про Л. Жаколио? Дело в том, что за двенадцать лет собирательства мне удалось пополнить свою библиотеку почти всеми собраниями сочинений, издаваемых П. П. Сойкиным. К 1959 году они составляли значительную часть библиотеки и были её гордостью, так как помимо раритетности они все были в хорошем виде, в издательских или хороших любительских переплётах. И лишь собрание романов француза Луи Жаколио было у меня в безликих, хоть и старинных переплётах. Кроме того, произведения этого приключенческого писателя совершенно не переиздавались в советское время, и поэтому его практически нельзя было прочесть; многие книголюбы искали тома этого сойкинского издания (единственного на русском языке), зная только названия романов, которые были весьма завлекательны: «В трущобах Индии», «Затерянные в океане» и т. п. Эти обстоятельства создавали определённую ауру вокруг этого издания. Можно сказать: «Тогда это было очень модно»!

«Они также завёрнуты в газеты?» — продолжал я. «А как же, — был ответ, — в газеты 1910 года.» Когда в следующее моё посещение он мне их показал, я ахнул. 18 неразрезанных нечитанных выпуска пролежали завёрнутыми в газеты каждый в течение почти пятидесяти лет. Сохранность была уникальная. Я сразу предложил за них значительную сумму, рассчитывая на немедленное согласие. Я уже знал, что Иван Петрович в прошлую нашу встречу слукавил, описывая свою жизнь. Уходя от него, я встретил соседку, рассказавшую, что она многие годы была у Ивана Пет-

ровича домработницей и имела от него мальчика, что живут они очень бедно и попросила меня что-нибудь сделать для них. Квартирка была жалкая, женщина не привлекательная и не молодая, Иван Петрович достаточно пожилой, мебели не было, и это при таком богатстве, лежащем от пола до потолка. Я решил поучаствовать в их судьбе, поэтому и предложил за Л. Жаколио сумму, превышающую в три раза официальную цену этого собрания. Иван Петрович мне ответил согласием, но с одним условием, чтобы я вместе с собранием Л. Жаколио купил у него полное собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах, в 78и увесистых книгах. Его издание как раз закончилось в 1957 году, а началось в 1928 году в 100-летие со дня рождения писателя. Я опешил, спросив, сколько он за него хочет получить. «По номинальной цене» — был ответ. — «А они, эти тома тоже завернуты в газету?» — спросил я и тут же получил утвердительный ответ. Тогда я задумался, не зная, что мне делать. Этот случай стал для меня, как книголюб, в дальнейшем большим уроком.

В связи с ним мне хочется поподробнее вспомнить об одном из удивительных по своей судьбе изданий советского времени. В 1928 году, в столетнюю годовщину со дня рождения Льва Николаевича Толстого, было решено издать наиболее полное собрание его сочинений, писем и дневников. В общем, всего того, что по мнению издателей вышло из-под его пера. Ведь многие его творения не могли быть обнародованы в царское время. Особенно это касается его религиозных размышлений. Что-то не хотели издавать в

советское время до 1928 года. Специально созданная комиссия издала проспект на выпуск 90 томов, сюда включались и черновые материалы с неизданными вариантами главных романов Льва Николаевича.

Готовили это издание различные группы специалистов, и по мере готовности их материалов выпускались тома. Это замечание сделано к тому, что книги выходили не в соответствии с порядковыми номерами томов. До войны было издано 38 томов тиражом 5 тысяч экземпляров. Это были хорошо изданные книги форматом в большую восьмёрку в достойных суперобложках. Война не только прервала дальнейший выпуск этого издания, но и уничтожила, по моей экспертной оценке, более половины вышедших экземпляров, так как именно основные культурные центры страны подверглись военным действиям и немецкой оккупации, потому что находились в западной части нашей страны. После окончания войны стали выходить последующие тома тем же пятитысячным тиражом. Конечно, многих своих подписчиков они найти не могли. Страна, потерявшая в войне более 25 миллионов своих граждан, потеряла, вероятно, и большое число подписчиков этого собрания. Тем не менее, тома продолжали регулярно выходить вплоть до 1957 года, когда было закончено это издание, уместившее 90 томов по первоначальному проспекту в 78 книг. Таким образом, полное собрание стало состоять из 38 книг, изданных до войны, и 40 книг, изданных после её окончания. До этого времени разрозненные тома стоили сравнительно недорого, а послевоенные тома, застрявшие, как правило, в магазинах подпис-

ных изданий, вскоре начали уцениваться более, чем наполовину, вместо 18 руб. по номиналу они стали продаваться по 8 руб. и всё равно долгое время не были распроданы. В целом, собрание стоило по номинальной цене, указанной на 78 книгах, 1300 руб. В это время мало кто понимал, что же такое каноническое издание Л. Н. Толстого, издаваемое в течение 29 лет с огромным количеством материалов, изданных впервые.

Именно в этот момент Иван Петрович Шайкин и предложил мне в качестве нагрузки к покупаемому мною собранию Л. Жаколио полный экземпляр Л. Н. Толстого, каждый том которого, начиная с 1928 года, был завёрнут в газету.

Сейчас мне даже трудно представить эту картину: 18 желанных книжечек мало известного приключенческого писателя Л. Жаколио за 2000 рублей и 78 томов Л. Н. Толстого в идеальном виде, наверное, тоже единственного в стране экземпляра в нагрузку за 1300 руб. У меня в то время не доставало денег и места для собрания Л. Н. Толстого, а теперь мне понятно, что и достаточной разумности тоже, чтобы оставить себе оба собрания, и я стал лихорадочно искать покупателя для 78 томов Л. Н. Толстого. Такой покупатель нашёлся очень быстро. Мой друг, известный букинист Лев Абрамович Глезер, познакомил меня с очень известным литературоведом и коллекционером Ильёй Самойловичем Зильберштейном. Находясь у последнего в гостях, осматривая редчайшие книги из его коллекции, я упомянул о тревожащей меня проблеме — продаже Л. Н. Толстого по номинальной

цене. Илья Самойлович, многие годы бывший главным редактором «Литературного наследства», внимательно на меня посмотрел, оценивая, видимо, мощь моего мыслительного аппарата, после чего сказал, что он обещал кому-то в Англии (у него были обширные заграничные связи) достать это собрание и что он охотно заплатит просимые мной 1300 руб. После этого я на своей машине в качестве водителя и грузчика (78 больших томов — это 8-9 тяжёлых пачек) привёз Илье Самойловичу этот комплект, получив искомую сумму, отправился к Шайкину, получил 18 неразрезанных книжечек Л. Жаколио, которых в таком виде явно ни у кого не было. Но радость моя длилась недолго. Культурные центры всего мира, национальные библиотеки многих стран, библиотеки иностранных университетов, узнав, что, наконец, это полное издание состоялось, начали заказывать его у нас в стране, предлагая довольно высокую цену. Уже через полгода цена комплекта официально поднялась до 2500 руб. и И. П. Шайкин стал просить у меня вернуть ему комплект, что я сделать, естественно, не мог.

Он на меня очень обиделся. Но он ещё больше расстроился бы, если бы узнал, что в течение года цена комплекта Л. Н. Толстого поднялась до 5000 рублей и выше, но Иван Петрович к этому времени умер.

К этому рассказу могу добавить, что спрос на это собрание возрастал в течение последующих лет, соответственно вырастала цена, но продажных полных комплектов в силу причин, о которых я рассказывал ранее, не было, и многие люди начали их собирать, что немедленно отразилось на цене отдельных томов,

которые попадались на прилавках книжных магазинов.

Мне также удалось в течение 60х и 70х годов собрать несколько полных комплектов. В те годы я проводил отпуска в автомобильных путешествиях по стране и не было ни одного города, в который я попадал, чтобы я не приложил определённых усилий в поисках томов Л. Н. Толстого. Как правило, эти тома были уже не на прилавках, а на запасных хранилищах книготорговых организаций. Так, я помню удачные находки в Пятигорске, Уфе, Гродно, Минске, Гусь-Хрустальном, Рязани. Разумеется, эти находки касались выпуска послевоенных томов, а довоенные попадались реже, помню покупку таких томов в Тбилиси, Харькове и ряде других городов. Средства, которые мне достались в результате этого старательства, я другого слова для характеристики этой работы не нахожу, были направлены на пополнение моей библиотеки. Один из собранных комплектов хранится у меня. Конечно, его сохранность ничего общего с тем первым экземпляром, который был у меня в руках, не имеет.

Кстати, Илья Самойлович Зильберштейн, приобретший у меня уникальный экземпляр собрания Л. Н. Толстого, в Лондон его не отправил. В последующие мои визиты в его гостеприимный дом я неоднократно видел столь неосмотрительно отданный мной, слава Богу, хоть в хорошие руки, единственный в своём роде по сохранности комплект.

Возвращаясь к судьбе собрания И. П. Шайкина, хочу сказать, что, видимо, рассказанная о Толстом

история повлияла на решение вдовы распродать его библиотеку помимо моего участия, к величайшему моему сожалению.

Чемпионат мира по хоккею

Весной 1967 года мне представилась возможность поехать в заграничную туристическую поездку. Да не какую-нибудь, а на первенство мира по хоккею, которое проводилось в Вене. Это было большое счастье, потому что тогда заграничный туризм был, наверное, в десятки тысяч раз менее развитым, чем сейчас, когда я пишу эти строки в 2004 году.

Организовывали заграничные туристические поездки профсоюзные организации (в смысле подбора состава групп), и единственное агентство в стране — «Интурист» и поныне здравствующее.

Я был в то время отчаянным болельщиком, болел за хоккейную команду ЦСКА и, конечно, за сборную страны, состав которой был почти адекватен любимой команде. Мне повезло, с помощью друзей я был включён в число болельщиков, которым была оказана честь поддерживать нашу команду на трибунах. Было нас несколько сот человек, разбитых на несколько групп. К моему величайшему удивлению я попал в весьма элитную группу. Достаточно перечислить лишь несколько человек, бывших в её составе: артисты Игорь Ильинский, Вячеслав Тихонов, Николай Рыбников, кинорежиссёр Станислав Ростоцкий, спортсмены чемпион мира по шахматам